

РОЛЬ АНТРОПОНИМИИ И ЭТНОНИМИИ В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (на материале пермских языков)

Топонимика как раздел ономастики тесно связана с историей и географией. Поэтому при исследовании топонимов широко используются данные этих наук: географическая характеристика объектов, за которыми закреплено название, история заселения края. В различных публикациях учитываются географическая терминология, антропонимия.

Однако возможности антропонимии для осмысления географических названий пока выявлены недостаточно. Это относится и к этнонимии, сложившейся в глубокой древности и вошедшей в топонимию всех времен.

Цель данной статьи: 1) выявить причины топонимизации антропонимов и этнонимов в различные исторические эпохи; 2) определить место антропонимии и этнонимии в топонимических исследованиях.

Тесная связь двух наиболее обширных разделов науки о собственных именах (топонимики и антропонимики) породила специальный раздел — антропотопонику, которая исследует процессы топонимизации антропонимов.

Каждая историческая эпоха накладывает отпечаток на антропонию того или иного региона: неодинаков удельный вес антропонимии в топонимии, различны принципы присвоения окружающим объектам отантропонимических названий.

Учет закономерностей функционирования и развития антропонимической системы — одно из основных требований при исследовании топонимии выбранного региона. Топонимист, исследующий географические названия того или иного языка, не может не изучать параллельно антропонию этого языка.

Историческая антропонимия должна рассматриваться в различных аспектах: в ее исторической обусловленности, по лингвистическим эпохам. Исследование по лингвистическим эпохам должно привести к выделению общекочевнической, общепермской и общефинно-угорской антропонимических систем. Однако этот аспект наталкивается на объективные трудности, которые пока не могут быть преодолены, так как недостаточно изучены антропонимическая лексика и антропонимические системы родственных языков.

Более благоприятны условия для изучения антропонимов с точки зрения их исторической обусловленности. В этом плане могут быть выделены: 1) антропонимы первобытнообщинного

строя; 2) антропонимы эпохи разложения родового строя и феодализма; 3) антропонимы эпохи капитализма; 4) антропонимы социалистического строя.

Соотношение антропонимических пластов с общественно-экономическими формациями важно потому, что имена, как и язык в целом, социальны, живо откликаются на изменения, происходящие в социальном строе, в идеологии общества. Поэтому сами антропонимы являются источниками для изучения истории народа — творца антропонимии.

Формой организации людей при первобытнообщинном строе служил род. У представителей материнского рода имя было составным. Одним из его компонентов являлось название родототема, т. е. мифической родоначальницы-прародительницы (обычно зверя, птицы, неодушевленного предмета). Родовое имя (вернее прозвище) указывало на принадлежность роду, давало родовые права. Оно несло также профилактическую функцию: устрашало, в представлении древних, злых духов, побеждало нечистую силу, покровительствовало сородичам и их потомкам, приносило всяческие блага. Для внутриродового общения служили имена-клички. Если, например, родовым тотемом был *Сюзь* (ср. коми *сюзь* «филин»), то кличками могли стать: *Сюзь Старший*, *Сюзь Средний*, *Сюзь Младший*.

Следы тотемистических прозвищ заметны в антропонимических системах многих языков. Из пермских языков их сохранил удмуртский. Еще недавно такие прозвища присоединялись к христианским именам замужних женщин и указывали на принадлежность их материнскому роду. Тотемистические прозвища удмуртов, известные в науке под названием воршудных имен, или микроэтнонимов, хорошо изучены¹. Причины устойчивости воршудных имен лежат в особенностях жизни народов лесистого Прикамья, основным занятием которых долгое время оставалась охота, отвлекавшая мужчин от семьи, от домашнего очага. Это усиливало роль женщин в роде и сохраняло существование родовых пережитков.

Имя тотема переходило не только на представителей рода, но и на родовую территорию, родовые владения, в том числе на поселения. Из 3136 названий населенных пунктов Удмуртской АССР, по данным М. Г. Атаманова, 283, т. е. 9 %, образованы с помощью воршудных имен, являвшихся именованьем рода, основавшего поселение².

Материнский род уступил место отцовскому, матриархат — патриархату, приблизительно совпавшему с общепермской эпохой (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). Каждый член патриархального рода носил имя-патроним. Оно свидетельствовало о принад-

¹ *Архипов Г. А.* Удмуртские этнонимы. — В кн.: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969, вып. 1, с. 239—243; *Атаманов М. Г.* Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск, 1980.

² *Атаманов М. Г.* Микроэтнонимы удмуртов...

лежности к роду и было наследственным. Наряду с этим сохранялся тотемизм. Для общения внутри рода употреблялись различные прозвища-клички, отмечавшие различные качества людей, как действительные, так и мнимые. Пережитки родового деления отражаются и в топонимии Верхнего Прикамья, где сформировалась коми-пермяцкая народность. Однако здесь они менее заметны. Это объясняется тем, что камские коми раньше удмуртов испытали прогрессивное влияние русской культуры, что не могло не способствовать более быстрому искоренению остатков родового строя.

Устойчивее оказались языческие имена. Некоторые из них, особенно сходные с названиями животных, продолжали удмуртские воршудные имена. Слово *воршуд* нам представляется общепермским. Оно состоит из двух компонентов: *ворд* (ср. *вордны* в северных говорах коми-пермяцкого языка «желать, пожелать, предвещать кому-либо что-либо») и *шуд* (во всех пермских языках «счастье») — «предвещающее счастье, предвестник счастья».

В эпоху патриархата у пермских народов появились укрепленные поселения, обозначенные названиями на *-кар*. Поселения располагались обычно на высоких берегах водных источников; в них помещалась группа родственников (большая патриархальная семья) численностью до 200 чел. Первыми компонентами названий на *-кар* нередко были имена глав патриархальных родов-тотемов. Поэтому они неслучайно совпадают с названиями животных. Ср.: *Кочкар* (коми *коч* «заяц»), *Курёгкар* (*курёг* «курица»), *Ошкар* (*ош* «медведь»), *Сюзькар* (*сюзь* «филин»), *Чешкор* (*чёж* «дикая утка»), *Чумкар* (*чум* «речная выдра»).

С течением времени слова типа *ош*, *кёч*, *низь* стали оформляться суффиксами *-ег*, *-ёг* (диалектные варианты общепермского суффикса): *Джыджег*, ср. фамилия *Жижегов* (*джыдж* «стриж»), *Жунег*, фам. *Жунегов* (*жунь* «снегирь»), (*И*)*иртег*, фам. *Иртегов* (*йирк* «кулик»), *Мошег*, фам. *Мошегов* (*мош* «пчела, шмель»), *Ожег*, фам. *Ожегов* (*ош* «медведь»), *Низ(н)ег*, фам. *Низегов*, *Низнегов* (*низь* «соболь»), *Ужег*, фам. *Ужегов* (*уж* «жеребец»), *Чежег*, фам. *Чежегов* (*чеж* «дикая утка») и др. Так возникли разновременные коррелятивные пары.

Таким образом, в ранние эпохи топонимия, антропонимия и этнонимия были теснейшим образом взаимосвязаны. Поэтому применительно к ним правомерно использовать термины: этно-антропоним, этнотопоним, антропотопоним.

Обращает на себя внимание то, что топонимы, сопоставляемые с удмуртскими воршудными именами, в Верхнем Прикамье прикреплены не к населенным пунктам, как это наблюдается в Удмуртии, а к рекам.

Близость удмуртских воршудных имен к верхнекамским гидронимам невозможно объяснить простым переносом, хотя отдельные случаи этого могли иметь место. Одинаковые назва-

Топонимы Удмуртии	Топонимы Верхнего Прикамья
Апя ³	Абья, р., бас. Язьвы
Кõтъя	Котьва (ранняя форма Котья), пр. Лысьвы
Можга	Можга (оф. Мочга), р. и д., Юсьвинский р-н Коми-Пермяц. авт. округа
Пудга	Пудьва (ранняя форма Пудья), р., бас. Язьвы
Пышья	Пышшу (в письм. источниках Пышья), р., бас. Иньвы
Уча	Уча, пр. Сумыча
Юмбя	Юм, р. и с., Юрлинский р-н Коми-Пермяц. авт. округа
Юськи	Юсьва, р. и с., Коми-Пермяц. авт. округ

ния в родственных языках могли появиться и самостоятельно. На такое предположение наталкивает обилие топонимов, связанных с общепермским *шуд «счастье», в Удмуртии, в Кочевском районе Коми-Пермяцкого автономного округа, в Коми АССР, в Афанасьевском районе Кировской области. Очевидно, прапермяне, где бы они ни жили, хотели видеть свои места счастливыми. Веря в магическую силу слова, они называли их *Шуд*, *Шудья*.

Примечательно, что некоторые гидронимы на -ва Верхнего Прикамья этимологически связаны с названиями животных, например: *Ошва*, *Сюзьва*, *Урва*, *Чежва*, *Мойва*, *Низьва* и др. Это явление можно объяснить, если допустить, что между гидронимами и названиями животных была промежуточная ступень, когда последние употреблялись в качестве имен глав родов, больших патриархальных семей, т. е. являлись своеобразными воршудами, микроэтнотопонимами, а затем переносились на родовую территорию и реку, протекавшую по этой территории. С течением времени надобность подчеркивать в названии территории родовую принадлежность отпала. Гидронимы же, будучи консервативными, остались.

В подобных случаях проявляется семантический способ образования топонимов, когда часть, скажем небольшая река, именовалась по целому (по родовой территории) или, наоборот, целое — по части, а также когда объекты могли получить название благодаря смежному положению (топонимическая метонимия).

Патронимические общины сковывали развитие земледелия, хозяйственную инициативу людей. Это привело к выделению из больших патриархальных общин малых семей, которые начали входить в сельскую соседскую общину и получать имена своих глав. К этому времени у пермских народов был уже довольно богатый антропонимикон, восходящий не только к названиям животных, но и к апеллитивам, обозначающим всевозможные качества людей, являвшимся меткой характеристикой их. Имена

³ Примеры взяты из работы: Атаманов М. Г. Микроэтнотопонимы удмуртов...

периода малой семьи представлены в ойконимии и микропонимии, например, в названиях поселений коми-пермяков на -горт, в удмуртских ойконимах на -гурт, коми-зырянских ойконимах на -грезд, -сикт и -горт: *Агайгорт, Калягорт, Калчигорт, Камгорт, Митигорт; Котеггурт, Кионгурт, Пислегурт, Пилягурт; Гутгрезд, Тимагрезд; Матюшсикт, Чумансикт, Тимасикт* и др.

С принятием христианства языческие имена стали выступать в новой функции — в функции прозвищных и бытовых имен. Часть из них успела войти в письменные источники и сохранилась в фамилиях, возникших под влиянием русского языка.

В топонимах эпохи феодализма и капитализма живет огромное количество христианских имен как в полных формах, так и в сокращенных, оценочных формах. Их выделение не представляет особых трудностей, так как в распоряжении исследователя имеется немало источников (письменные памятники, произведения фольклора и художественной литературы, различные словари, народные говоры и др.), помогающих их распознаванию.

В условиях социализма антропонимические топонимы по главам семей и частным собственникам становятся анахронизмом. На основе личных имен в наше время могут возникать временные названия мелких объектов (мест рыбной ловли, покосов), а также окказиональные именованья типа коми-пермяцких *Пиля вöйöм* «(место), где утонул Пиля»; *Тикöн кыскöм* «(место), где был вытащен (из воды) Тихон» и др.

Социалистический строй делает продуктивными топонимы посвящения, мемориальные названия. Так, имя В. И. Ленина носят города *Ленинград, Ленинабад* (в Таджикистане); *Ленин-гори* (в Грузии), *Ленинакан* (в Армении), *Лениногорск* (в Казахстане), *Ленинск* (в Волгоградской области). Имеется с. *Ленинск* и в Коми-Пермяцком автономном округе (в прошлом Питеево, до революции еще и Верх-Нердва).

Невнимание к антропонимии приводило и приводит к беспомощности в этимологизировании топонимов. Относили же, например, название населенного пункта *Одоким* (коми разговорное произношение христианского имени *Евдоким*) к доисторической топонимии на -ым, -им, оставленной якобы неизвестными народами, обитавшими на севере европейской части СССР и в Сибири.

Прежде всего нужно помнить, что топонимия создавалась в течение веков, что разные объекты осваивались в разное время. Поэтому параллельно с топонимией по историческим эпохам нужно изучать и антропонимию.

✓ Во-вторых, топонимические регионы, как правило, продукт творчества многих народов. Топонимисту необходимо иметь представление об антропонимии всех языков, действительно или предположительно звучавших на данной территории. Недооценка этого может привести к ошибочным толкованиям как отдельных названий, так и топонимии региона вообще.

В-третьих, пользуясь антропонимией при топонимических исследованиях, нельзя забывать и о такой ее специфике, как тенденция к интернационализации. Антропонимы, как известно, родившись в одном языке, по разным причинам получают распространение в других языках. Если в Верхнем Прикамье встретились топонимы *Салтаново* и *Бачманово*, нельзя сделать поспешный вывод о присутствии здесь в прошлом тюрков как первопоселенцев. Для такого вывода антропонимический критерий недостаточен. Надо искать дополнительные исторические свидетельства, которые бы подтвердили это предположение.

Еще раз об этнонимах в топонимии. Как уже отмечалось, по этнонимам в глубокой древности назывались племенные и родовые территории. Например, Верхнее Прикамье до прихода сюда русских было известно соседним народам под названием *Комму* — земля комов, т. е. коми. Позже этнонимы стали различительными признаками, на основе которых возникли названия государств, или хоронимы: Россия — страна *россов*.

Удельный вес этнонимов в образовании топонимов также обусловлен исторической эпохой. В XVII—XVIII вв. (период массовых переселений крестьян) пришельцев на новые места знали по этнонимическим прозвищам, которые часто становились основами топонимов. Этнотопонимы, как правило, представлены не в центре обитания того или иного народа, а в пограничных зонах. В. А. Никонов писал по этому поводу: «...где все население русское, там бессмысленно именовать деревню Русская — таковы ведь все соседние; — иное дело, где перемежается русское, чувашское, татарское население»⁴. Основой этнических названий в зонах смешения становились не самоназвания народов, а этнонимы, которыми их называли соседи. Русских пришельцев в Коми-Пермяцком округе называют *роц*, отсюда д. *Рочева* в Кудымкарском районе. До Великой Октябрьской социалистической революции коми-пермяки в поисках новых земель уходили на Урал, где они оказывались в зоне иноязычного населения. Поселения их получили имена *Пермяки*, *Пермяково* и др.

✓ Таким образом, учет антропонимии и этнонимии в топонимических исследованиях настолько важен, что правомерно говорить о методе антропонимии и этнонимии. Этот метод требует, чтобы топонимист-исследователь имел достаточное представление об антропонимии и этнонимии тех языков, на которых общались жившие на очерченной территории народы, изучил бы антропонимию и этнонимию этих народов в синхронии и диахронии, умел различать антропонимические и этнонимические заимствования и имел представление о функционировании антропонимии и этнонимии в различных общественно-экономических формациях.

⁴ Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965, с. 40.